

В компании с ироническими детективами Елены Логуновой всегда весело!

Джип из тыквы
Закон вселенской подлости
Синяя курица счастья

**Читайте о похождениях тележурналистки Елены
и ее боевой подруги Ирки,
способной справиться с любым злодеем:**

Принц в неглиже	Кукиш с икоркой
Везет как рыжей!	Брак со стихийным бедствием
Конкурс киллеров	Любовные игры по Интернету
Кляча в белых тапочках	Стрела гламура
Секретная миссия Пиковой дамы	Афродита размера XXL
Звезда курятника	Шопинг с Санта-Клаусом
Снегурка быстрой заморозки	Последний путь под венец
Коктейль из развесистой клюквы	Наследница Шахерезады
Красота спасет мыр	Боты для ночного эльфа
Гарем «Все включено»	Помеха справа
Цыганочка без выхода	

**Наслаждайтесь приключениями
потомственной авантюристки Индии Кузнецовой:**

Суперклей для разбитого сердца	На сеновал с Зевсом
Дефиле озорных толстух	Рука и сердце Кинг-Конга
Шоу секс-символов	Декамерон по-русски
Молилась ли ты на ночь?	Ванна с шампанским
Банда ответных дизайнеров	Кактус Нострадамуса
Статуя сексуальной свободы	Свидание на пороховой бочке
Спокойно, Маша, я Дубровский!	Шерше ля фарш
Руссо туристо, облик морале	Собаچه танго
	Принцесса без башни

**Непринужденно и весело
решайте детективные головоломки вместе
с Тяпой Ивановой:**

Хижина тети Тома	Напиток мексиканских богов
Круговорот парней в природе	12 невест миллионера

**Распутывайте хитроумные загадки
с отважной учительницей Олей Романчиковой:**

Фотосессия в жанре ню	В костюме голой королевы
Бонд, мисс Бонд!	

**Хохочите над уморительными приключениями
Алисы Пеструхиной:**

Купидон с жареным луком
Мухи творчества

**Люся Суворова и ее верный адъютант Петрик
сражаются со скукой и несправедливостью:**

Брачный вопрос ребром
Семь футов под килькой
Любовь и птеродактили

Все началось с глупой странности, которую можно было бы назвать и странной глупостью.

Проходя по бульвару, Михаил Иванович Лосиков заметил нечто весьма необычное и очень раздражающее: по ходу его следования беспричинно моргали лампочками и трезвонили ожидающие туристов самокаты. Причем моргать и трезвонить эти олени городских ландшафтов начинали в момент приближения к ним Михаила Ивановича, по мере его удаления замолкая — и передавая эстафету таким же самокатам на следующем перекрестке. Даже на входе в тихий старый парк представление повторилось.

Поскольку ни вчера, ни раньше, ни даже полтора часа назад, когда Лосиков только вышел из дома, никакой дегенеративный транспорт иллюминацией и гимнами его не приветствовал, Михаил Иванович резонно рассудил, что за прошедшие 90 минут с ним произошла некая перемена, вызвавшая новую реакцию на него со стороны самокатов.

Какая именно — догадаться было несложно. Михаилу Ивановичу, во всяком случае, это труда не составило.

Больше часа из этих полутора Лосиков провел в частной стоматологической клинике «Белый клык», где ему поставили новую пломбу в коренной зуб.

Пломба была обширная. Материал ее производитель рекламировал как «ультрасовременный высокотехнологичный».

Лосиков решил, что ему в зуб запихнули миниатюрное устройство, тоже ультрасовременное и высокотехнологичное. Скорее всего, шпионское.

Клиника была российско-израильская. Лосиков, строго говоря, тоже: его мама происходила «из тех», папа — «из этих». «Из тех» была и бывшая любимая супруга Михаила Ивановича — незабвенная Фира, уже много лет обитающая с новым мужем в Хайфе. И, кстати, благоверный Фиры вроде бы имел отношение к тамошним военизированным структурам.

Зачем новому мужу бывшей жены понадобилось оснащать челюстной аппарат Лосикова шпионской микротехникой, было неясно, но поощрять подобные действия Михаил Иванович не собирался. Внимательно оглядевшись, он быстро вычислил среди гуляющих в старом

тихом парке наблюдателя: наверняка за ним следила во-он та рыжеволосая женщина на лавочке под липой! По мнению Михаила Ивановича, она вела себя крайне подозрительно: показательно игнорируя замершего Лосикова, что-то делала со снятой с ноги босоножкой.

Михаил Иванович уверенно предположил, что в невысоком квадратном каблуке тоже спрятана какая-то аппаратура, вероятно, связанная со шпионским устройством в зубе бдительного пенсионера и вышедшая из строя. Собственно, именно об этой поломке сигнализировали ему самокаты.

У одинокого старичка Михаила Ивановича было очень богатое воображение. Он применял его на литературном поприще, о чем широкая общественность, к сожалению, не знала. Писательский талант Лосикова еще не получил признания.

Михаил Иванович приблизился к лавочке, занятой рыжей женщиной, кстати, красивой, как все шпионки, хотя и с немодными нынче крупными формами. Он сел на свободный конец скамьи, кашлянул и вежливо произнес, идеально копируя незабываемые интонации бывшей супруги:

— Шалом, а вы же из МОССАДА, таки да? Как поживают дорогие Фира с Изей, век бы их не помнить?

— Дедуль, вы совершенно напрасно панамку не носите, — едва взглянув на него, заботливо сказала рыжеволосая. — У кого шевелюра есть, и тем сейчас головы напекает будь здоров, а вам бы особенно поберечься.

— Я таки не понял, мы будем обсуждать мой экстерьер или поговорим о деле? — обиделся Лосиков. — Просто скажите, у меня в зубе передатчик или маячок?

— Реально дикая жара, все вокруг одурели, — сказала женщина уже не Лосикову, а старой липе, выглядящей (в отличие от Михаила Ивановича) вполне нормальной.

И, нацепив на ногу свою неисправную шпионскую обувь, захромала по аллее прочь.

А Михаил Иванович остался сидеть и думать: избавился он от внимания МОССАДа или только обозлил спецагента — и теперь должен ожидать новых необычных неприятностей?

Однако размышления Лосикова не имели никакого значения. Свою роль в истории он уже выполнил.

Рыжеволосая женщина, из-за вмешательства Михаила Ивановича не успевшая приладить под новую обувь мозольный пластырь, изменила свои планы и направилась совсем не туда, куда собиралась.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В дверь позвонили, когда я задумчиво созерцала желто-розовый картофельный клубень, решая, надо ли его поскоблить — или чего возиться, лучше незатейливо сварить картошку в мундире?

— Сейчас, сейчас! — покричала я, приняв чье-то неожиданное появление за ответ небес: в мундире, конечно.

Не чистить же картошку, принимая незваного гостя.

Я побросала клубни в кастрюлю с водой, поставила ее на огонь и прошлепала в прихожую. Голый кафельный пол приятно холодил босые ноги. Близился сентябрь, но август никак не сдавал позиций, день за днем стабильно выкатывая обычные для краснодарского лета +40.

— Уф-ф-ф! — Ирка ввалилась в прохладный сумрак кондиционированной квартиры с плотно задернутыми шторами, шумно отдуваясь и пыхтя. Подъем на третий этаж без лифта

по нынешней жаре — серьезное испытание. — Я передумала, тащи мои старые лапти!

Она бухнулась на лавочку в прихожей и стянула, кривясь и морщась, новые босоножки, которые надела всего-то четверть часа назад. Перед этим подруга сходила на шопинг в расположенный неподалеку торговый центр и ко мне заявила, чтобы похвастаться обновкой, переобуться и оставить на временное хранение прежние черевички.

— А я говорила тебе, в такую жару надевать новую обувь — самоубийство. — Я сходила на балкон, куда успела выставить оставленные подружкой разношенные сандалии, и вернула их переменной хозяйке.

— Водички дай, — попросила Ирка, обмахиваясь ладонью.

— Может, душ примешь? — предложила я, притащив ей ледяной минералки. — Потом полежишь немного и тогда уже поедешь, к вечеру попрохладнее станет.

— Нет, пойду. — Страдалица переобулась, сунула коробку с новыми босоножками под мышку и, отважно рванув на себя дверь, шагнула за порог. — Я же машину на платной парковке оставила, не дошла до нее, потому что ногу натерла, и не хочу за лишнее время платить. Все, адью! На этот раз я ушла.

— Пока. — Я закрыла за ней дверь и вернулась на кухню.

Картошка варилась. Я вытащила из холодильника пару крупных розовых помидоров, огурец, болгарский перец, зелень... что еще? А, луковицу почистить!

Я уже взялась за нож, когда кто-то снова потребовал его впустить, на этот раз не звонком, а могучим ударом. Дверь содрогнулась, когда кто-то врезался в нее, как стенобитное оружие!

За первым ударом последовал второй, и я не стала медлить. Не спросив «Кто там?» и даже не посмотрев в глазок, просто распахнула дверь и резво посторонилась.

Ирка вломилась в прихожую, как билась в дверь — боком, и сразу рухнула на скамью, выразительно помахав растопыренной пятерней перед открытым ртом. Я снова сбегала за холодной водичкой, дождалась, пока стакан опустеет, а подруга перестанет хрипеть, и спросила:

— Ты передумала? Холодный душ и сиеста?

— Да какая сиеста! Вечный сон! — обрета наконец дар речи, возбужденно заговорила Ирка. — Блин, и угораздило же меня... И зачем только я зашла в ваш подвал...

— Это ты зря, в самом деле, — встревожилась я, — недавно блох травили, там, наверное, до сих пор ужасно воняет ядовитой хими-

ей. И дохлые намекомые противно хрустят под подошвами.

— Дохлые намекомые? — саркастически повторила подруга. — Это явное преуменьшение. Идем, я покажу тебе... — Она с трудом поднялась и кособоко побрела на лестницу, маня меня за собой с видом, одновременно интригующим и зловещим. — Идем, идем... ты должна это видеть...

Спорить было бесполезно — с Ирки стало бы вернуться и потащить меня силой, а это унижительно. Поэтому я вздохнула, сунула ноги в резиновые тапки для быстрых набегов к мусорному баку во дворе и поплелась за подругой. А на близких подступах к подвалу даже ускорила, потому что из темного проема приятно тянуло прохладой.

Стало понятно, почему Ирку занесло в подвал: она туда на автопилоте зарулила — поддавалась неконтролируемому желанию охладиться.

— Вот! — сказала подруга, пройдя по коридору с клетушками персональных кладовок метров десять. — Стоп... А где?

Она растерянно оглянулась на меня.

— Где — что? — благодушно уточнила я, наслаждаясь прохладой подземелья.

— Ну труп же, — нетерпеливо заозиралась подруга, и я подавилась воздухом.

— Какой труп?! — Я тоже заозиралась.

Ирка включила фонарик в смартфоне и поелозила голубым лучом по полу.

Трупов на нем было много.

Они лежали вповалку, скошенные ядохимикатами.

Ого, каким густонаселенным было наше общедомовое помещение! Мильон блох на квадратный метр. Левшу бы сюда, вот бы он разгулялся.

— Что значит — какой труп? — повторила подруга с необоснованной претензией. — Такой! Синий!

— Ты чего это придумываешь? — Я pokrутила пальцем у виска. — У нас дом образцового содержания! Кто бы дал здесь какому-то трупу залежаться до посинения? Блох — и тех завтра Герасим выметет.

Герасим — это наш дворник. Ужасно разговорчивый, за работой со всеми вокруг беседует: с прохожими-мимоходими, кошками, птичками, даже с собственной метлой. За что и прозван — в насмешку, конечно же, — именем своего немого коллеги из «Муму». Собачки у нашего Герасима, кстати, нет.

— Я неправильно выразилась. Синим был не сам труп, а мешок, в котором он помещался.

— Какой еще синий мешок?

Единственный синий мешок, припоминающийся мне, был из бархата и с серебряной вышивкой. С ним Дед Мороз к нам в детский сад на утренники приходил. Ох, давно это было...

— Большой, пластиковый. — Иркины фантазии оказались крайне далеки от новогодних. — Вернее, из непрозрачного полиэтилена.

— Ага! — Я подумала, что поймала ее на противоречии. — Если он был непрозрачный, как ты рассмотрела, что в нем труп?

— Так лицо изнутри отчетливо выпирало, туго обтянутое синей пленкой! — Подруга передернулась. — Жуть просто: глаза выпученные, нос, как клюв, и рот открытый, будто яма!

— Но ты же видишь, ничего такого тут нет. — Я повела рукой со смартфоном, тоже работающим в режиме осветительного прибора.

В коридоре было пусто, только у двери кладовки восемнадцатой квартиры, как обычно, громоздилась куча неопознаваемого хлама.

Там у нас живет одинокий пенсионер Артемов, в доме его называют Плюшкиным. Кладовку свою он забил так, что туда блоха не пролезет, и теперь норовит складировать свое сомнительное добро под дверью. Управдом Маринка из-за этого с ним регулярно ругается, пугает штрафом за нарушение пожарной безопасности. Плюшкин пугаться не спешит.

— Хочешь сказать, это мне голову напекло, что такая жуть примерещилась? — Ирка приложила ладонь ко лбу. — Да уж, действительно надо панамку носить... Хотя — нет, не может такого быть, ясно видела — это никакая не галлюцинация!

— Пойдем. — Я потянула ее к выходу из подвала. — Поговорим в комфортной обстановке.

Мы поднялись в квартиру и устроились на кухне.

Картошка уже сварилась, салат я могла настрогать за минуту, буженина стыла в холодильнике, но от обеда деморализованная подружка решительно отказалась, заявив, что сейчас кусок в горло не полезет. Я налила ей холодного компота и тоном доброго психоаналитика предложила «поговорить об этом».

— Итак, ты думаешь, что видела в нашем подвале мешок с трупом, — вкрадчиво начала я мягким бархатным голосом. — Но, когда мы обе спустились туда, его там не было. Куда же он, по-твоему, делся?

— Либо спрятан за дверь одной из кладовок, либо вынесен из подвала, — ответила Ирка без задержки.

Видно, сама уже об этом подумала.

— Спрятан или вынесен — всего за пять минут твоего отсутствия? Положим, да, затащить

мешок в кладовку — минутное дело. А вот вынести...

Я посмотрела в окно. За ним был августовский полдень — практически мертвый час, когда все живое плашмя лежит в тени или под вентиляторами. Часов до шести, когда жара начнет спадать, жизнь в городе за пределами кондиционированных оазисов — квартир, офисов и дорогих иномарок — будет вялотекущей.

Можно ли среди бела дня в тихом старом центре вынести из подвала труп в мешке? Если речь о жарком летнем дне в Краснодаре, то мой ответ — да запросто!

Хоть десять мешков! Никто и не заметит. Все сами, как трупы, лежат под вентиляторами и сплитами.

— Зайдем с другой стороны, — предложила я. — Если труп с мешком вынесли из подвала, то куда именно? Не на помойку же?

— А кто его знает, надо бы заглянуть в ваши мусорные баки. — Подружка вскочила и перебежала из кухни в гостиную, окна которой выходят во двор. Остановившись у подоконника, она вытянула из своей сумки бинокль — у нее всегда имеются с собой такие полезные вещицы — и присмотрелась к площадке с контейнерами.

Те были пустыми и чистыми. Коммунальщики молодцы — в летнюю жару вывозят мусор

дважды в день, так что он не успевает скапливаться.

— Еще вариант: мешок погрузили в машину и вывезли, — предложила другую версию подруга. — У вас же тут броуновское движение, то и дело кто-то заезжает-выезжает, и свои, и чужие.

В ее голосе отчетливо прозвучало недовольство.

Наш дом стоит рядом с историческим парком, у которого автостоянка небольшая и платная, поэтому желающие погулять по старинному городскому саду то и дело заруливают в наш двор в поисках парковки. Из-за этого самой Ирке поутру не нашлось места под моими окнами.

— Так или иначе, тот синий мешок если и был, то уже сплыл, — подытожила я. — Предлагаю забыть его, как страшный сон.

— Видимо, придется, — неохотно согласилась Ирка и засобиралась уходить.

Остаток дня и вечер у меня прошли спокойно, безмятежно. Ночью я тоже мирно спала, но в пять утра — небо едва посветлело — за окнами, алчно распахнутыми навстречу ночной прохладе, зашаркала метла и забубнил дворник.

В предрассветной тиши, нарушаемой только голосами птичек, ворчливый голос во дворе

звучал отчетливо, как в театральном зале с хорошей акустикой.

— Вот люди, а? Удивительные существа, — доверительно делился Герасим с кем-то — должно быть, с совами. — Загадили двор мишурой и сухими еловыми иглами — летом! До августа, стало быть, елку свою держали, чего ж до Нового года не дотянули, всего-то четыре месяца осталось!

Прикрывшись шторой, поскольку жаркой ночью была в наряде голой королевы, я высунулась в окно, с высоты третьего этажа оглядела двор и действительно увидела обрывки серебристых нитей новогоднего «дождика». Герасим сметал их и разноцветные кружочки конфетти в аккуратную кучку.

Уличный кот — вот кто был собеседником дворника! — внимательно наблюдал за его действиями с крыльца, явно намереваясь в финале процесса рухнуть сверху на заманчиво шевелящуюся и блестящую мишуру.

Представив, как разорется по этому поводу Герасим, я поспешила закрыть окна и включить кондиционер.

Под его негромкое монотонное гудение уснуть не получилось. Я лежала и вяло мыслила на заданную дворником философскую тему: «Вот люди, а?»